

ные, — это были его создания!

— Да... Я был режиссером, — вспоминает Охлопкин. — Смешно сейчас говорить об этом, но... вот так. Не потому, что был лучшим, способнейшим, а просто сумел объединить ребят. С большим удовольствием сейчас думаю о том, что спектакли наши воспринимались всерьез и дома, и в окрестных селах, куда мы то на колесах, то на лыжах, а то и пешком несли свое рьяное искусство, свою правду...

Я ВСЛУШИВАЮСЬ в рассказ седого уже человека и замечаю, что чаще всего звучит в этом повествовании слово «прав-

узы, молчания. Правда взгляда, улыбки, правда слез. Правда внутренних оценок и побуждений. Правда искусства — оставаясь единственной, всегда самой собой, она оказывалась многоликой, радостной и горькой, стремительной и раздумчивой, беспечной и глубоко встревоженной.

Сколько было ролей, столько лиц у этой единственной правды! Хлесткий, нескладный, трогательный Шукарь в «Поднятой целине» и волевой, одержимый умный враг Мудзимура («На той стороне» Барянова); туполобый, жесто-

лось сообщить залу исключительной силы эмоциональный и интеллектуальный заряд ленинской мысли... Примером оптимального исполнения роли Ленина для меня был Щукин. И первые работы мои во многом испытали влияние этого прекрасного актера. «Кремлевские куранты» — в 1957-м, в 1963-м «Цветы живые». Затем — «Шестое июля» и, наконец, в 1969-м в «Третьей патетической» мне удалось найти свои средства для исполнения роли Ленина. Лишь в этой работе я осмелился отказаться от каких-то внешних черточек в гриме, в

Свердловск и свердловчане

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

ЕСТЬ одно удивительное качество человека, которое оживляет вещи, окружающие нас, наполняет дыханием сегодняшнего дня события давно минувшие, делает близкими и понятными нам людей, которых мы никогда не видели и не увидим.

Это качество — способность человека сопереживать.

Искусство необходимо лишь тогда, когда вызывает в человеке сопереживание, когда оно не оставляет нас равнодушными. Возникает общение человека с мелодией, прозрачной акварелью на листе бумаги, со сценическим образом...

...Пожилой, небольшого роста человек, чуть нелепый внешне, ходит по сцене. Он неудачник? Кажется — да. Хороший музыкант, он не прижился в симфоническом оркестре, где играл ранее.

У него есть двое взрослых детей, которые рвутся из дому, от неустойчивости и непрактичности отца.

...Но вот в этот дом волей случая приходит юноша, которого неудачник принимает за родного сына. И мы, замирая сердцем, следим за перерождением отца — теперь уже трек! — детей. Перед нами раскрывают несметные свои кладезы мир человеческой сердечности... Неудачник оказывается человеком с большим сердцем, всегда готовым к любви, надежде, вере...

Затихают аплодисменты, и мы уходим со спектакля «Старший сын» с чувством обогащения, которое вызвал в нас актер, сумевший приобрести зрителей к миру своего героя.

Только что он сказал нам «до свидания», а мы уже ждем новой встречи с народным артистом РСФСР Леонидом Давыдовичем Охлопкиным, который вот уже более сорока лет выводит своих героев на сцену Свердловского драматического театра.

ДВУХГОДОВАЛЫМ «ребенком» был театр, когда пришел в него совсем еще молодой актер, сын сапожника из Полевского, восемнадцатилетний уральский парнишка.

Это было 18 марта 1932 года.

Нет, он уже не был новичком в искусстве. Более того — за плечами его были уже свои, поставленные им самим, спектакли. Пусть самодельные, пусть несовершен-

ные. Запомним это слово — мы еще вернемся к нему.

Итак — начало пути. Самодеятельный кружок. Передвижной театр.

Наконец, шесть его актеров приняты в труппу Свердловского драмтеатра.

Приходился Леониду, надо сказать, далеко не сладко. Прежде всего — мешал уральский говор.

Как-то студийка Н. хохотнула на его счет: «Я думаю: откуда это в профессиональном театре всякие «чоканья» да «яканья»? А это, оказывается, уральские самородки явились в искусство!»

Через два года к Леониду Охлопину пришлось уже профессиональное уважение товарищей по сцене, а смешливую студийку отчислили из театра за... речевые недостатки.

Видимо, неостало ей чего-то такого, что оказалось у полевского паренька. И сейчас, оглядывая весь творческий путь этого человека, можно сказать: «что-то такое» — это попросту уральский характер.

Одни называли Леонида трудягой, другие — одержимым, третьи отмечали его творческую и житейскую самостоятельность. И все они были правы.

— Я уже тогда понял, что должен прежде всего надеяться на самого себя. Бывают актеры с данными, которые можно эксплуатировать всю жизнь. А у меня — сами видите: рост небольшой, человек я плотный и при этом — подвижный. Похоже — характерный актер. И по натуре мне очень близки комические роли, а вот волосы — не комика... В ролях же простановок страдал невероятно. Надо было все время что-то придумывать, искать.

Он искал. Придумывал. Работал.

Хвалили Леонида Охлопину часто. И прежде всего хвалили за правду.

Правда!... С этим пришел он на сцену. Это слово сделал главным в своей сценической жизни.

Правда грима и костюма. Правда походки. Правда голоса, интонаций и правда па-

кий, невежественный самодур Дикой и умный, непримиримый до максимализма Левшин...

На извечный репортерский вопрос о любимой роли Леонид Давыдович отвечает:

— Если роль требует максимальной затраты энергии — и нервной, и физической, и творческой, — такая роль не может быть нелюбимой. А таких ролей у актера должно быть большинство.

В 1951 году один из ведущих актеров театра уехал на гастроли. А тут в Свердловск полномочная комиссия нагрянула. Надо «Бронепоезд 14-69» играть, а исполнителя роли Пеклеванова нет. И режиссер решил ввести на Пеклеванова Леонида Охлопину. Времени на ввод было один день.

Взял Леонид Давыдович парик — долго прикрывал густую раскудрявую свою шевелюру. Еще дольше сидел над гримом. Бородку приклеил. Кепку надел. Из костюмерной принесли темное пальто с бархатным воротником.

Вышел на сцену... И вот тут-то кто-то из-за кулис восклицательно произнес: «Смотри, как Охлопкин на Ленина похож в этом гриме!».

И так случилось в этом же году, что Леонид Давыдович сыграл роль Владимира Ильича в «Незабываемом 1919-м».

Пришла к Леониду Охлопину ленинская тема — генеральная в его сценической жизни.

Эта — более чем двадцатилетняя — работа потребовала от актера всего его творческого потенциала.

Поиск правды образа в этой работе был с первых же шагов сколь безмерно радостен, столь же и труден.

В «Незабываемом 1919-м» на один грим актер затрачивал каждый раз не менее двух часов! А находиться на сцене надо было значительно меньше.

— Шел я к образу через большие трудности. Требова-

характере движения... Я уже не думал ни о жесте, ни о походке, я, что называется, жил этим образом...

Когда человек живет работой, творчеством, он черпает в них самое дорогое качество — энергию общения с людьми. Эта энергия с раннего возраста (вспомните — «сумел объединить ребят») и до сего дня повсюду — на сцене и вне ее — сопровождает Леонида Охлопина.

Леонид Давыдович — член горкома КПСС. Много лет он возглавляет Свердловское областное отделение ВТО.

Не было случая, чтобы он отказался от самого дальнего и нелегкого рейса, цель которого — встреча со зрителями.

Как-то вместе с ним побывал я на его творческом отчете перед трудящимися Талицы. И больше всего меня поразило, что известнейший уральский актер в продолжение этого, надолго запомнившегося таличанам вечера находился в состоянии крайней возбудимости, творческого подъема. Словом, Леонид Охлопкин вел себя на этой встрече, как ведут себя в самых ответственных случаях жизни.

И люди поняли это. И после того, как занавес был закрыт, они пришли к актеру за кулисы. Им хотелось продлить общение с ним. Больше всего зрители благодарили актера за его ответственность, естественность, правдивость...

В основе жизни человека лежит тепло. Тепло крови.

Общение актера со зрителем — кровь искусства.

Актер, которому удается беречь тепло такого общения, истинный художник.

Этим умением счастлив народный артист РСФСР, уралец, Почетный гражданин Свердловска Леонид Давыдович Охлопкин.

Э. ПОЛЕССКИЙ.

На снимке: Л. Д. ОХЛОПКИН.